

А. А. НАЗАРЕВСКИЙ

Из воспоминаний о молодых годах В. П. Адриановой-Перетц

Десятого октября 1907 г. докладом слушательницы Киевских высших женских курсов Варвары Павловны Адриановой «Филология, ее задачи и методы» начал свою деятельность Семинарий русской филологии проф. В. Н. Перетца, вошедший впоследствии в историю русской филологической науки. Мой доклад «Приемы критики текста применительно к древним и новым памятникам русской литературы» был прочитан 27 октября. Оба эти доклада вошли в «приложения» к литографированному курсу лекций В. Н. Перетца «Введение в изучение русской литературы» (осенний семестр 1907/08 академического года). Так «на заре юных дней» начали мы с Варварой Павловной свой путь в науку русской филологии.

В состав Семинария входили студенты Университета, слушательницы Высших женских курсов и слушательницы Частных женских историко-филологических курсов, директором которых был Владимир Николаевич. Занятия слушательниц Частных курсов происходили по вечерам в помещении частной женской гимназии на Большой Владимирской улице (ныне — Владимирская ул. № 7), куда курсистки входили по особым билетам за подписью своего директора. Такие же билеты были выданы всем участникам Семинария, в том числе и студентам. «Итак, — писал я домой 6 октября, — я теперь не только студент, но и „слушательница Высших женских курсов“, как значится на билете».

Об этой любопытной детали в жизни Семинария одни, поступившие позже, просто не знали, а другие, знавшие, вскоре забыли, и местом самой начальной деятельности Семинария обычно считается квартира Владимира Николаевича Перетца на четвертом этаже в доме № 74 по тогдашней Мариинско-Благовещенской улице (ныне ул. Саксаганского). Так вспоминает Н. К. Гудзий,¹ так об этом говорится и в шутливой «Семинариаде» одного из старейших участников наших собраний — А. С. Грузинского:

Высокий Перетц воевода
В своем высоком терему
Собрал там множество народа,
Дай, боже, здравия ему.²

Во всяком случае наши первые доклады (Варвары Павловны и мой) были сделаны еще в помещении женской гимназии на Владимирской

¹ Н. Гудзий. К семидесятипятилетию со дня рождения Варвары Павловны Адриановой-Перетц. — РЛ, 1963, № 2, стр. 264.

² Здесь и далее разрядка моя. — А. Н.

улице. Вообще же нам и в дальнейшем не раз приходилось выступать «рядышком», по соседству. В юбилейном сборнике 1908 г., посвященном выдающемуся украинскому филологу П. И. Житецкому, были напечатаны наши опыты изучения местных рукописных материалов: «Київський уривок псалтиру XIV віку» Варвары Павловны и мое «„Хождение богородицы по мукам“ в новых украинских списках XVII—XVIII вв.». У меня сохранился оттиск статьи о псалтыри с дарственной надписью: «Александр Адриановичу на добрую память от автора».

Может быть, здесь уместно будет сказать, что ко времени начала занятий нашего Семинария Варвара Павловна и я немного знали друг о друге: в Нежине семьи Адриановых и Миловидовых были знакомы «домами», нередко обменивались посещениями, а старшая дочь Миловидовых Лидия Филипповна (впоследствии моя жена) на один месяц и неделю была старше Варвары Павловны. Семьи Адриановых и Миловидовых оставались в добрых отношениях и по переезде их в Киев. А мое знакомство с Варварой Павловной стало уже непосредственным, и на долгие-долгие годы.

По желанию П. И. Житецкого, Владимир Николаевич водил нас к нему «на поклон», — как шутили мы. Я хорошо помню очень теплый отзыв юбиляра о Варваре Павловне, которая была ему «представлена» двумя-тремя днями ранее. Почти одновременно с моей работой над «Хождением богородицы» Варвара Павловна исследовала судьбу другого апокрифа в статье «Евангелие Фомы в старинной украинской литературе». Свои «апокрифические» статьи мы снова читали на соседних собраниях Семинария — 21 и 26 февраля 1908 г. Нечто подобное было и осенью 1910 г., когда два моих доклада (27 X и 16 XI) «обрамляли» доклад Варвары Павловны об «Аристотелевых вратах» (9 XI).

Впоследствии мы сами удивлялись юношескому задору, подлинной «жадности» к избранной науке, которую проявляли многие участники Семинария. Наши собрания происходили обычно по средам, иногда еще и по пятницам, а иногда даже трижды в неделю. Рекордным по количеству собраний был март 1908 г., когда в течение семи вечеров было прочитано и обсуждено 11 докладов (из 14 представленных). Активистами Семинария были С. А. Бугославский, Н. К. Гудзий и автор этих строк (сделавшие по 8 докладов), В. П. Адрианова (выступившая с 7 докладами) и С. А. Щеглова (прочитавшая максимальное количество сообщений — целых 9!).

Уже в зрелые годы мы, бывшие «семинаристы» первого призыва, поняли, что четкостью, регулярностью нашей работы, своей «одержимостью» мы обязаны Владимиру Николаевичу, который вдохновлял и увлекал нас своим примером. Вот один только штрих, говорящий о внимании нашего руководителя к занятиям своих учеников.

Осенью 1907 г. Владимир Николаевич, знавший меня по «первокурсным» рефератам о русских повестях XVII в. и петровского времени и одобрявший новую тему «о приемах критики текста», остановил меня как-то в коридоре университета. «Профессор говорил, — сообщал я домой, — что он очень доволен, что я „не потерял аппетита“ к рефератам прошлого года, а я ответил, что, наоборот, аппетит только разыгрывается». Нечего и говорить, какое стимулирующее значение имел для меня этот короткий — буквально «на ходу» — разговор. Тогда же Владимир Николаевич согласился, чтобы я читал свою «критику текста» не тотчас же после Варвары Николаевны, как он хотел первоначально. Его убедили мои слова: «Лучше я напишу несколько позже, но зато самый реферат будет более обдуман и отделан» (письмо 6 октября).

Из экскурсий нашего Семинария мне особенно памятна осенняя поездка 1910 г. в Житомир, где мы в течение недели (21—26 X) усердно занимались рукописями и старопечатными книгами волыньских книгохранилищ. Кроме Владимира Николаевича, В. П. Адриановой и С. А. Щегловой, тогда уже преподавательниц Вечерних высших женских курсов, было еще четверо «молодых людей»: студенты А. В. Багрий, Н. К. Гудзий и А. А. Требиш и я, новоиспеченный профессорский стипендиат. Нас, мужскую молодежь, поместили в большом свободном классе Волынской духовной семинарии, где мы и жили, в полном смысле слова, «на семинарских хлебах».

В книге «Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии»³ я привожу некоторые эпизоды нашей житомирской жизни, здесь же, мне кажется, стоит рассказать, в каких своеобразных условиях мы там работали.

Владимир Николаевич в своем «Отчете об экскурсии Семинария русской филологии в Житомир»⁴ выражает благодарность хранителю Волынского епархиального древлехранилища Оресту Авксентьевичу Фотинскому, который отдавал нам все свое свободное время: «Если мы успели что-нибудь сделать, то главным образом благодаря безграничной любезности этого неоцененного для Древлехранилища труженика». В своем письме домой (27 X) я писал об этой «безграничной любезности»: «Сначала мы занимались в Волынском епархиальном древлехранилище, где более всего рукописей и старопечатных книг, а потом, когда заведующий Хранилищем любезно разрешил нам все, что нужно, брать на руки и даже дал ключи от всех шкафов, то заниматься стали у себя в семинарии. В семинарию натащили пропасть рукописей и иногда только ходили в Хранилище отнести ненужную рукопись и взять что-нибудь новое. Я... ходил еще к о. Николаю Трипольскому, у которого находится Житомирское евангелие 1571 г..., и попросил позволить заниматься рукописью. Отец Николай переслал ее в Хранилище, а О. А. Фотинский, заведующий Хранилищем, позволил и ее перетащить в нашу комнату». Необходимо отметить, что, хотя через руки каждого из нас прошли многие десятки рукописей и старопечатных книг, никаких недоразумений не было.

Ученики Владимира Николаевича в воспоминаниях о нем не раз говорили, что участники Семинария во главе со своим руководителем много работали, но умели и отдыхать. Одной из форм коллективного отдыха были наши экскурсии в окрестности Киева, на природу — «ins Grüne», как говорил сам Владимир Николаевич.

У меня сохранились любопытные снимки, сделанные во время двух наших экскурсий 1908 и 1909 гг. — в Межигорье и в Ворзель, где у Владимира Николаевича была дача. Обе они были довольно многолюдны по составу участников (около 30 человек на межигорском и около 20 — на ворзельском снимках), и в обеих принимал участие другой наш профессор-словесник, нередкий и всегда желанный гость нашего Семинария Андрей Митрофанович Лобода. Особенно приятной была поездка паромом вверх по Днепру в Межигорье (1908 г.), где мы провели целый день. Мы отдыхали на монастырском подворье, играли в горелки, пили вкусную холодную воду из источника с поэтическим названием «Звонки» и возвращались, когда над Днепром уже высоко стояла полная луна. Автор

³ А. А. Назаревский. Из далекого и недавнего прошлого. — В кн.: Воспоминания о Николае Каллиниковиче Гудзии. МГУ, 1968, стр. 18—19.

⁴ Университетские известия, Киев, 1911, № 9, стр. 7—8.

«Семинариады» А. С. Грузинский откликнулся на эту экскурсию шутливым экспромтом, написанным на подаренном мне оттиске его статьи «Elegia Alexii Virsi T. Прокоповича»:

Сияло солнце в Межигорье,
Когда гурьбою молодой
В широком бегали подворье, —
И цвел там Перетц с Лободой.

И тут же сделана приписка: «И тогда я еще не думал о Феофане Прокоповиче».⁵

Но были экскурсии и «более узкого состава», одна из них в мае 1910 г. — в Ворзель. Помню, мы отправились небольшой группой: Варвара Павловна и С. А. Щеглова, А. В. Багрий, С. А. Бугославский, С. И. Маслов, С. Ф. Шевченко и я. Н. К. Гудзий, которого в этот раз с нами не было, говорит о поездках к Владимиру Николаевичу: «Так же запросто мы ездили летом к нему на дачу, и тогда он оставлял свою работу и часами проводил с нами время в беседах во время прогулок».⁶ Так и на этот раз: учитель отдал нам, своим ученикам, весь долгий день.

Мы хорошо знаем, как много сделал Владимир Николаевич для привлечения к серьезным научным занятиям талантливой молодежи. Его богатейший запас знаний, организаторский и педагогический талант и опыт, оригинальная постановка и новое освещение предложенной темы давали возможность не только привлечь, но и увлечь способных студентов. Выводя своих учеников на путь самостоятельной научной работы, Владимир Николаевич очень часто отдавал им найденный им самим свежий рукописный материал, а нередко и собственное начатое исследование какого-нибудь вопроса. Именно о таких случаях говорит Н. К. Гудзий в статье «Памяти учителя» (оттиск этой статьи я получил от Варвары Павловны 12 февраля 1966 г.).⁷ Такой же случай, можно думать, имел место по отношению и к Варваре Павловне в 1909—1910 гг. Еще 15 апреля 1909 г. на собрании Семинария она сделала сообщение «Толковая палея в свете новых исследований». Работа над палейной темой продолжалась и дальше, и очередные главы ее печатались в «Трудах Киевской духовной академии» 1909—1910 гг. Кроме того, в 1910 г. типография Акционерного общества «Петр Барский в Киеве» выпустила и отдельную брошюру В. П. Адриановой в 77 страниц «К литературной истории Толковой палеи. Из филологического семинария проф. В. Н. Перетца». На титульном листе подаренного мне экземпляра рукой Варвары Павловны написано:

Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь раз...

Киев 27 V

В то время надпись эта показалась мне и странной, и непонятной. В самом деле, Толковая палея, своеобразный экзегезо-полемический памятник древней литературы, — и строки популярного в свое время сти-

⁵ Пересматривая теперь многочисленные оттиски давних лет, я лишний раз убедился, что дарственные надписи на них в самых разнообразных отношениях нисколько не уступают записям писцов, владельцев и читателей старых рукописей и печатных книг.

⁶ Н. Гудзий. Памяти учителя. — РЛ, 1965, № 4, стр. 169.

⁷ Там же, стр. 168.

хотворения Николая Минского, казалось бы на первый взгляд, — «две вещи несовместные». Объяснение пришло очень скоро и неожиданно.

Весьма вероятно, что Владимир Николаевич начатую по местным киевским материалам собственную работу о Палее предложил для дальнейшей самостоятельной разработки и завершения Варваре Павловне, которая и принялась за дело со всем жаром талантливой и польщенной доверием ученицы. В то же время она начинает изучение ряда новых проблем и тем, как это видно по заглавиям ее «семинарских» докладов. Развертывается кипучая деятельность молодой исследовательницы.

Когда в мае 1971 г. я сообщал Варваре Павловне, что готовлю статью об одном нашем рано умершем (на 26-м году жизни) товарище, она ответила: «К сожалению, я ничего не могу прибавить к Вашим воспоминаниям о В. М. Отроковском... Мне не довелось слышать его стихи: ведь с 1910 г. я жила „отшельницей“ и общалась с товарищами лишь во время занятий: было очень много работы, а все свободное время было уже отдано Владимиру Николаевичу. Наш учитель очень ценил Владимира Михайловича и как поэта... Сердечный привет, сил и успеха Вам в начатой работе!» (письмо от 21 мая 1971 г., разрядка моя).

Для Варвары Павловны наступал новый период в жизни: время самоотверженного труда, настоящего подвига в служении избранной науке, время превращения из преданной ученицы в преданную спутницу нашего общего учителя, того, кому было отдано не только «все свободное время», а и все большое личное чувство, отдано навсегда.

Таким «переломным» днем своей жизни Варвара Павловна, должно быть, считала «27 V», дату, сохранившуюся на моем экземпляре упомянутой брошюры В. П. Адриановой (мне кажется, что и издание этой брошюры не обошлось без непосредственного участия Владимира Николаевича).

Как ученый исследователь Варвара Павловна прошла долгий и славный путь.

Возглавляя многие годы Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома АН СССР, Варвара Павловна воспитала ряд молодых талантливых ученых и достойно продолжала неутомимую деятельность своего учителя — Владимира Николаевича Перетца.

В своей статье «Памяти учителя (к 30-летию со дня смерти акад. В. Н. Перетца)»⁸ в заключительных строках я старался подчеркнуть то, что всегда трогало нас, его учеников: при всей внешней строгости Владимира Николаевича его исключительное внимание к нашим и первым опытам, и зрелым работам, постоянную готовность помочь. Я писал: «Он был требовательный, строгий и в то же время чуткий и внимательный наставник и руководитель первых опытов каждого, благожелательный критик, советчик и старший друг своих учеников в их зрелые годы».⁹ Эти слова во всем их объеме и значении относятся и к Варваре Павловне, которая — как бы по завету нашего общего учителя — умела соединять в себе высокую требовательность, глубину научной мысли с простым человеческим участием и чуткостью.

Являясь «последним из могикан» перетцовского Семинария первых лет, я счастлив, что могу воздать должное неувядающей памяти той, с кем мы когда-то дружно начинали свой путь в науку.

⁸ Вісник Київського Університету, № 8, Серія філології та журналістики, Київ, 1966, стр. 55—63.

⁹ Там же, стр. 63.